

А.Н. МАЛИНКИН

СОЦИОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ: НЕРАЗДЕЛЬНЫ И НЕСЛИЯННЫ. РОЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ИЗ ДУХА БОЛЬШЕВИЗМА. ЧАСТЬ 1¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений между социологией и философией в Советской России в 1920-е годы, результатом которых стало рождение «марксистской социологии» и ее утверждение в 1930-х годах. В первой части статьи проблема заостряется в вопросе, была ли вообще социология в СССР в эти годы. Утверждается, что ответ на него не может быть безоговорочным, ибо многое зависит от того, что понимали под «социологией» в то время. Подвергается сомнению тезис о существовании в 1920-е годы «эмпирической социологии». Кратко освещается изначальный смысл понятия «социология», история его бытования в Российской империи. Анализируется, как отразились на его трактовке тенденции «философского нигилизма» в первые годы советской власти. Ставится задача не только описать исторически и социокультурно обусловленные изменения в значении термина «социология» в 1920-е годы, но и с позиции социологии знания установить факторы, которые на них повлияли. В связи с этим рассматривается ключевая, однако негативная роль личности В.И. Ленина в истории отечественной социальной мысли.

Ключевые слова: социология; философия; позитивизм; марксизм; философский нигилизм; исторический материализм; секуляризм; дух большевизма; идеология.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Часть 1 // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

¹ Статья публикуется в двух частях. Часть 2 выйдет в следующем номере. — *Прим. ред.*

Постановка проблемы

Бытует мнение, что социологии в Советской России в 1920-е гг. *не было*. Мы придерживаемся иного взгляда и полагаем, что приведенное выше мнение неточно и потому не вполне корректно, причем, наверное, в еще большей мере, чем утверждение, что «социология в СССР в 1920-е гг. *была*». Нельзя категорически утверждать ни то ни другое, или, утверждая одно, нельзя безоговорочно отрицать противоположное. Реально-историческая действительность сложнее расхожих о ней представлений. Это означает, что социологии в 1920-е гг. «не было» ни в том виде, какой она имела до Октябрьской революции 1917 г., ни в том, какой она получила в 1960–1990-е гг., ни тем более в ее сегодняшнем состоянии, однако она «была» в том специфическом виде, в каком сформировалась именно в указанное время.

В расхождении смыслов, детерминированном эпохальными сдвигами, для историков российской социальной мысли таится историографическая проблема, а некоторые из них, кто, как мы, ориентируется в методологии на социологию знания, видят в нем дополнительную исследовательскую задачу — выявление исторически и социокультурно обусловленных изменений в значениях терминов, а также установление тех факторов, которые их обусловили.

Решение этой задачи — не пустой разговор о словах, ибо, как известно, терминологическое обозначение играет в культуре, особенно в ее интеллектуальном сегменте (в философии, науке), существенную роль. Одна и та же реалья, не поименованная определенным термином в одном случае и поименованная в другом, в первом случае может считаться «несуществующей», во втором — «существующей». Волшебная магия слова? Нет. Попадая посредством обозначения либо из-за его отсутствия в контексты различных символических форм и пластов культуры, одна и та же реалья — как в синхронии, так и диахронии — приобретает различные по смыслу *онтические модусы* [11, с. 30–33] вплоть до полного исчезновения из культурного бытия (не утрачивая, разумеется, своего реального существования).

Об «эмпирической социологии» в 1920-е годы

Для конкретизации того, что имеется в виду, приведем два противоположных по смыслу примера. Так, американский историк русской социологии Ю. Геккер рассматривал Н.Г. Чернышевского как социолога, а его взгляды — как вклад в социологию [28]. Однако Н.И. Кареев, один из первых и самых знающих историков российской социальной мысли, не взял на себя смелость квалифицировать его воззрения как «социологические». «Чернышевского можно назвать самым крупным социологом в России до возникновения в ней социологии, но с оговоркой, что он был социологом, сам того не зная», — писал он [10, с. 125]. Выходит, если бы Кареев поступил как Геккер, то получилось бы прямо по Дж. Свифту: «Здесь показывают величайшего в мире слона, кроме него самого». Но разве в действительности такое возможно?

Нет. Кареев, считавший нелишним артикулировать свои «историологические» рефлексии, сам же и объясняет почему.

«Конечно, современный исследователь может систематизировать этот обширный материал и изобразить, какова была социология Чернышевского, если бы он сам задался бы таким заданием, да это и происходит до известной степени на самом деле, но от этого может получиться не подлинная социология Чернышевского, а, так сказать, ее реставрация, как можно было бы, например, рассматривать историологию Фукидида или Тита Ливия. Вот почему автор настоящей книги воздержался от бывшей вначале для него очень заманчивой задачи воспроизвести социологию Чернышевского, которая, конечно, не могла бы не быть в достаточной мере результатом работы автора, а не исследуемого писателя. Как, положим, можно было бы говорить о понимании самим Чернышевским вопроса о существовании социологии, ее предмета, задаче, методе, об отношении ее и к разным другим общественным наукам, между прочим, к истории, а также к философии, к психологии, к этике, о внутреннем расчленении ее, об исторических ее предшественниках, когда у данного мыслителя не было в уме и самой-то идеи о такой науке. <...> Вот соображения, на основании которых Чернышевский остается без рассмотрения в этой книге, вопреки тому, что Геккер, американский автор о русской социологии, отводит ему место в своем обзоре» [10, с. 124–125].

В примечании к этому месту Кареев пишет: «Социологические взгляды свои Чернышевский сам и не формулировал как таковые, и не систематизировал, а отдельные его заявления давали поводы причислять его к противоположным направлениям. В то время, напр., как для одних Чернышевский — предшественник экономического материализма, для других он был (в) социологии психологист» [10, с. 124].

Таким образом, для историка-исследователя имеет принципиальное значение идентификация конкретных воззрений какой-то исторической личности через терминологическое наименование определенной дисциплины («социология», «философия», «экономика» и т. д.). Эта дисциплинарно-терминологическая идентификация основывается прежде всего на дисциплинарной либо профессиональной самоидентичности этой исторической личности («я — социолог», «я — философ», «я — экономист» и т. д.), а также на имеющемся в наличии фактическом материале, который подтверждает предметные или методологические достижения, соответствующие такой самоидентификации. Причем это соответствие должно быть не только номинальным — по их названию («социологические», «философские», «экономические» и другие труды), но и реальным — по их сущностному смысловому содержанию. Понятно, что точная дисциплинарно-терминологическая идентификация возможна далеко не всегда, поскольку значения терминов могут исторически меняться, и то, что вчера называлось «философией», сегодня может называться «социологией», и наоборот.

Каждый историк идей сталкивался с описанной историографической проблемой. Элиминировать ее значит игнорировать необходимость учета соответствия изучаемых идей и смыслов конкретному историческому времени, или, проще говоря, практиковать анахронический подход, допускать анахронические натяжки. Кареев потому и отказался от соблазна «реставрации» — сегодня мы сказали бы точнее: *реконструкции* — «социологии» Н.Г. Чернышевского, что на выходе получил бы некий новодел, может быть, вполне убедительный, но созданный отчасти уже им самим и, следовательно, не соответствующий исторически аутентичному феномену, подлинной исторической действительности. Пример Геккера показывает, что не все историки идей так же строго, как Н.И. Кареев, придерживались этого методологического принципа. Ну а сегодня предпочтение *реконструктивистского* подхода стало обычным делом.

Так, Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина констатируют факт существования с начала 1920-х гг. «*отечественной эмпирической социологии*» [5, с. 103–105]. На наш взгляд, это небесспорная констатация. Ведь ученые-исследователи, которые рассматриваются авторами как «социологи»², сами себя таковыми не считали, в названии их работ термины «социология» и «социологический» не фигурируют³. Наконец, если допустить, что в 1920-е гг. реально существовал *эмпирический* уровень социологии, надо предположить и реальное существование ее *теоретического* уровня. Тогда придется утверждать, что в 1920-е гг. *отечественная социология существовала как дисциплинарное единство этих двух относительно автономных уровней, взаимодействие между которыми происходило в ее собственных внутридисциплинарных интересах*. Но можно ли констатировать это как исторический факт? Мы считаем, что такая констатация означала бы анахроническую натяжку. Понятие «эмпирическая социология» содержит в себе смыслы и коннотации, чуждые конкретным социальным исследованиям тех лет. Редкие исключения только подтверждают факт⁴: в те годы существовал *разрыв* между теоретическим и опытным уровнями социального познания.

² Упомянуты А.К. Гастев, Ф.Р. Дунаевский, Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев, С.Г. Струмилин, А.В. Болтунов, Н.Д. Левитов, А.В. Чайнов, В.А. Андреев, Е.О. Кабо, Л.Е. Минц, А.Г. Рашин.

³ Насколько нам известно, исключение составляет работа Н.А. Витке «Организация управления и индустриальное развитие (очерки по социологии научной организации труда и управления)» (М., 1925).

⁴ К таким исключениям можно отнести книгу С.Я. Вольфсона «Социология брака и семьи» [2]. Хотя есть сомнения в ее теоретической и эмпирической самостоятельности. «Нельзя, однако, сказать, что этот труд Вольфсона стал этапным в развитии социологии семьи в Советской России, ибо оказался он незатейливым развитием некоторых положений Г. Кунова и К. Каутского и слегка расширенным и дополненным изложением работ Ф. Мюллер-Лиэра, — пишет А.А. Клёцин. — Тем не менее

Вот почему «отсутствие глубоких теоретических выводов» и прочие «недостатки», которые авторы справедливо отмечают как характерные для этого периода «отечественной эмпирической социологии», были не «следствием налета эмпиризма» в ней, как они полагают [5, с. 105], но следствием ее отсутствия в этот период как таковой. На наш взгляд, в 1920-х гг. имели место *социальные обследования прикладного характера*, прежде всего статистические обследования социально-политического, социально-демографического, социально-экономического, социально-этнографического, социально-биологического характера. Отчасти они продолжали традиции земской статистики, отчасти служили общему просвещению, социальной педагогике⁵. Все они имели целью *не столько развитие социологического знания (познание ради знания), сколько информационное обеспечение управления народным хозяйством*, а именно количественный и качественный учет народонаселения, трудовых резервов и их распределения; повышение производительности труда путем его научной организации, в частности, за счет оптимизации использования рабочего времени, улучшения условий труда и быта и т. д., и т. п. К таким исследованиям мы относим и те, что продолжали дореволюционные традиции прикладной социологии, например в области криминальной социологии, но еще не имели марксистского обоснования⁶.

Другим направлением изучения общественных явлений и процессов с 1918 г. стал сбор сведений в целях политического управления и государственной безопасности. «Огромные массивы социальной, экономической и политической информации собирались по закрытым каналам, обобщались и доводились до сведения директивных органов, — пишет Г.С. Батыгин. — <...> *Можно сказать, что за внутренним “железным занавесом” в Советском Союзе сформировался исторически уникальный “мутант” эмпирических социальных обследований*. Результаты этих обследований с большей или меньшей ответственностью использовались для выработки внутренней политики режима. <...> Вопрос о том, можно ли считать закрытые обследования научными, неочевиден» [1, с. 31, 32]. Фрагменты из истории этого направления реконструированы Батыгиным на основе публикации В.С. Измозика [7].

отечественные историки социологии, рассматривая период 20–30-х годов, неизменно упоминают (видимо, из-за подходящего названия) книгу Вольфсона как пример разработки проблем семьи и брака в советской социологии» [12, с. 417].

⁵ См., к примеру: *Гельман И.* «Половая жизнь современной молодежи. Опыт социально-биологического обследования» (М.–Л.: Государственное издательство, 1925); «Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ» (М.–Л.: Молодая гвардия, 1926).

⁶ Например, исследование по «уголовной социологии» С.А. Укше [25, с. 150–172].

Что же касается *более общего вопроса* о существовании или не-существовании «социологии» в Советской России в 1920-е гг., то ответ на него осложняется теснейшей взаимной связью социологии и философии, которую трудно охарактеризовать иначе, как известным богословским выражением: «нераздельны и неслиянны»⁷. Осложнение объясняется тем, что после трех войн и двух революций на фоне небывалого реально-исторического перелома и переворота в ценностях в нашей стране изменились значения многих «старорежимных» терминов. В их число попала и «социология». В 1920–1930-е гг. характер государственного властно-политического господства постепенно все больше обретал черты деспотической *идеократии*. Тяжелые условия оказывали мощное давление на всю духовно-нравственную, интеллектуальную и эмоциональную жизнь образованных людей, заставляя их считаться с новыми реалиями, привыкать к актуальному словоупотреблению, переосмысливать старые номиналии.

Попытаемся показать на конкретных примерах, как именно обстояло дело. Для этого обратимся к анализу обществоведческого дискурса того времени. Первый шаг в анализе любого дискурса — установление и определение объекта наблюдения. Для нас это термин «социология» и производные от него языковые образования, в первую очередь «социологический», «социолог». Во-первых, потому что именно он содержится в нашем вопросе и отражает существо проблемы. Во-вторых, потому что термин «социология» специфичен: он имеет известные историко-философские коннотации и обозначает определенную эпистемологическую парадигму, которая не утратила своей актуальности по сей день. Чтобы пояснить, о какой парадигме идет речь, скажем несколько слов о происхождении термина, о его первоначальном смысловом содержании и бытовании на российской национально-культурной почве.

К истории бытования термина «социология» в Российской империи

Термин «социология» возник в лоне «позитивной философии» французского мыслителя Огюста Конта. Развивая идеи Сен-Симона, Конт по-своему осмыслил содержание восходящей индустриальной эпохи Нового времени в своей философии истории знания — в законе трех стадий умственного развития человечества. Согласно этому закону, знание, полученное в результате научного познания — в том виде, в каком оно было известно Конту по европейскому естествознанию Нового времени (*science*), — знаменует собой высший этап интеллектуального развития всех времен и народов. Вершиной же научно-дисциплинарной пирамиды в «позитивной философии» Конта является «социология».

Социология позволяла, по замыслу ее создателя, строить будущее, опираясь на позитивное знание о реальности, то есть естественно-научное знание. Это означало, что общество и историю надлежало

⁷ Г.С. Батыгин сравнивает взаимосвязь «философского и социологического импульсов в советском марксизме» с отношениями «любви-вражды» [1, с. 29].

объяснять только научно (= естественно-научно), не привлекая для этого отжившие в ходе поступательного развития истории религиозные верования и философские («метафизические») идеи, которые были, по мнению Конта, одинаково далеки от реальности. Ведь для объяснения связей между явлениями религия апеллировала к *сверхъестественным* силам и в конечном счете к Богу, философия же — к абстрактным, то есть отвлеченным от естественных явлений и событий, умозрительным сущностям, поэтому обе могли давать лишь приблизительное, туманное и мутное знание. Наука же давала точное, чистое и ясное знание.

Научное знание законов исторического развития и законов функционирования общества, которое вырабатывали ученые-«социологи», требовалось не столько само по себе, сколько для «зрячего» политического управления. «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять» — прагматизм и позитивизм как философские принципы слиты в этом тезисе Конта в единое целое. Социологам отводилась роль экспертов в государстве, конструкторов и инженеров-проектировщиков будущего общества. «Позитивное мышление» Конт вообще рассматривал как панацею, способную излечить современное ему общество от всех социальных язв и застарелых болезней, поскольку конечной благой целью применения социологического знания, согласно его либеральному учению, должно было стать всеобщее распространение «человеколюбия» («альтруизма»).

В середине XIX в. такие прогрессистские сциентистские идеи, исполненные исторического оптимизма, в сочетании с прагматизмом (прагматизмом) и утилитаристской моралью витали в атмосфере обществ западноевропейских стран, охваченных секуляризацией и «духом капитализма», находили в них широкое понимание и одобрение. Благодаря тому, что в «высшем обществе» Российской империи прочно укоренилось подражание всему западному — прежде всего французскому, — идеи позитивной философии проникли и на российскую почву, став модным интеллектуальным поветрием. Оно описано в романе «Отцы и дети» (1862) И.А. Тургенева, нашего «русского европейца», наезжавшего время от времени в родные края по хозяйственным делам, а заодно и поохотиться. Имея возможность сравнивать реалии западных обществ и российского, он верно уловил и запечатлел в образе «нигилиста» Евгения Базарова то, как в России западная мода на «позитивное мышление», сочетаясь с секуляризмом, натурализмом и утилитаризмом, претворилась в радикализм мышления и действия в эмансипаторных гуманистических целях. Проницательный писатель интуитивно уловил и запечатлел главное — *этос поколения «новых людей»*.

Если же говорить не о литературных героях, но о реально-исторических, то личностный образец поколения «новых людей» с радикальным «социальным» образом мыслей В.В. Зеньковский не без оснований видел в Н.Г. Чернышевском [6, с. 127]. Роман «Что делать?», сам образ Чернышевского оказали, как известно, мощное влияние на

формирование взглядов и личности юного В.И. Ульянова-Ленина. В народничестве и среди членов партии социалистов-революционеров «базаровский» стиль сделался фактически нормой поведения.

Социология в строгом, западноевропейском, смысле проникает в Россию еще в 1840-х гг. Как отмечает Н.И. Кареев, российский читатель познакомился со взглядами Конта и с самим словом «социология» благодаря статье литературного критика Валериана Майкова «Общественные науки в России», опубликованной в 1845 г. в журнале «Финский вестник» [10, с. 123]. В то время о «социологии» узнали, например, Н.П. Огарев, В.Г. Белинский, В.А. Милютин и др. Распространение социологизма мышления шло рука об руку с распространением научного («позитивного») образа мыслей как самого передового и единственного правильного⁸. В русле «позитивизма» как сциентистской методологии развивал, например, свои социологические органицистские взгляды камер-юнкер, тайный советник и губернатор Курляндии П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль. «Наука, — писал он, — не что иное, как знание связи между явлениями, *со*-знание, и наоборот, всякое сознание должно быть признано наукой» [16, с. 15].

Примечательно, что в своих «Мыслях о социальной науке будущего» (1872) Лилиенфельд повсеместно использует уже как общеупотребительные термины «социология», «социологический», «социологические исследования». Однако в своем обзоре философско-исторических доктрин он уделяет Конту всего несколько фраз. «По мнению Огюста Конта, ...история должна следовать методу точных наук. Из анализа фактов она должна выводить законы, несомненно, управляющие жизнью обществ. Поэтому Конт дает ей название *общественной науки* (Sociologie) или общественной физики. Конт разделяет ее на две части: на общественную статику и общественную динамику» [16, с. 382].

Позитивистские идеи повлияли на формирование и развитие в России революционно-демократической идеологии. Так, Д.И. Писарев, в большой статье «Исторические идеи Огюста Конта» (1865–1866) выстраивал свои взгляды на изложении, комментировании и критическом анализе идей Конта, оценив его как «одного из величайших мыслителей нашего века» [20, с. 340]. Написанная в Петропавловской крепости, эта статья Писарева — фактически первая в России развернутая характеристика воззрений Конта. Почти одновременно с ней в «Современнике» (1865, № 8, 11–12) была напечатана статья журналиста, публициста и переводчика Э.К. Ватсона «Огюст Конт и позитивная философия». В работах П.Л. Лаврова, С.Н. Южакова, Н.К. Михайловского, В.В. Воронцова, других теоре-

---

⁸ «Русская интеллигенция была одержима научностью с 1860-х годов. “Научность” являла собой, скорее, умонастроение и утопический миф, чем ориентацию на дисциплинарную организацию знания» [1, с. 27–28].

тиков народничества термин «социология» — уже рабочее понятие. Таким образом, к концу XIX и в начале XX в. термин «социология» распространился в России достаточно широко и вошел в академический язык, общенаучное употребление, в публицистику и журналистику.

Между тем власти и консервативные круги в Российской империи были склонны воспринимать «социологию» как один из вариантов «завиральных» французских идей, то есть как разновидность *социалистических* богоборческих воззрений, поэтому относились к «социологии» с подозрением. Тем более что сам Конт дал к этому повод, выдвинув в «Курсе положительной политики» проект гражданской «альтруистической» религии, в основе которой лежало обожествление человечества. В самой Франции, отмечает Н.И. Кареев, книги Конта были долго под запретом, да и просто преданы забвению, так что и сами французы открыли для себя «позитивную философию» только в 60-х гг. XIX в., когда у нас о ней уже знали.

Первые российские марксисты, будучи радикальными «западниками», конечно, были знакомы с новейшей отечественной и зарубежной социологической литературой, не чурались терминов «социология» и «социологический», хотя К. Маркс их не употреблял, а Ф. Энгельс использовал редко. Не пренебрегал ими Г.В. Плеханов. Так, критикуя взгляды неокантианца Штамлера, он писал: «Чего же мы можем требовать в данный момент от социологии? Объяснения того, почему, стремясь к удовлетворению своих потребностей, — скажем, потребности в пище, — люди вступают иногда в одни, а иногда в совершенно иные взаимные отношения. *И это обстоятельство социология* — в лице Маркса — *объясняет состоянием их производительных сил.* <...> Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение целей у общественного человека (общественную “телеологию”) как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития» [21, с. 244, 245].

У молодого В.И. Ульянова-Ленина в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894) [14] термин «социология» встречается не менее 35 раз, хотя в дальнейшем он от него отказался. Л.Д. Бронштейн (Троцкий) уже в ранней юности познакомился с социологической литературой, о чем свидетельствуют его журналистские публикации 1900–1901 гг., в годы сибирской ссылки в газете «Восточное обозрение» под псевдонимом «Антид Ото». «Все эти работы отличались знанием предмета, соответствующей публицистической и социологической литературы, в том числе на иностранных языках. <...> Всего в “Восточном обозрении” было помещено примерно 30 статей Бронштейна по культурной проблематике» [27, с. 45, 46]. Среди российских марксистов термин «социология» больше всех использовал, наверное, Н.И. Бухарин, о чем будет сказано ниже.

Но, конечно, для марксистов намного важнее «социологии» была идея *научного социализма*. Они полагали, что благодаря К. Марксу и Ф. Энгельсу идея социализма впервые стала на *подлинно научные* (= *естественно-научные* и *единственно-научные*) рельсы. *Сциентистские иллюзии роднили и объединяли позитивистов и марксистов*⁹. Разделяла же их *гегелевская диалектика*, составлявшая методологическое ядро марксизма. Как самобытная философия высшей пробы она была «страшно далека» от примитивного сенсуализма и эмпиризма «позитивного мышления» Конта. К тому же исторически-материалистическое учение об общественно-экономических формациях, сменяемых в результате борьбы за власть классов с антагонистическими интересами посредством социальных *революций*, нагружало «марксистскую социологию» политической идеологией, абсолютно чуждой для *эволюционизма*, свойственного позитивизму.

О роли одной личности в истории отечественной социальной мысли

Не удивительно, что отношение к термину «социология» у большевиков, взявших власть в России и приступивших к построению социалистического общества, было неоднозначным.

После окончания Гражданской войны встала грандиозная задача фильтрации всего массива культурного наследия прошлого и идейных течений настоящего с целью отбора таких идей, которые не противоречили идеям К. Маркса, Ф. Энгельса и самого В.И. Ленина. Доктрины, которые им противоречили, надо было «выбраковать», и философское учение Конта попадало под гребенку идеологической селекции. Решение задачи по фильтрации отечественного и мирового идейного наследия потребовало кардинальной реорганизации всего академического поля, то есть академии наук, системы образования, подготовки партийных кадров и т. д.¹⁰

Кроме того, на репутации термина «социология» негативно сказалась критика В.И. Лениным взглядов юного эсера Питирима Александровича Сорокина, публично заявившего о себе как о «со-

⁹ Например, Г.И. Сафаров считал, что философия, как и религия, должна отмереть [23, с. 47–48]. Другой марксист, С.И. Гусев, писал: «Научный социализм есть теория пролетариата, то есть наука, которая охватывает все взгляды пролетариата и все науки объединяет в одном общем единстве» [3, с. 31]. Но, пожалуй, всех превзошел С.К. Минин, о взглядах которого будет сказано ниже.

¹⁰ «Марксизм сыграл весьма амбивалентную роль в институционализации российской социологии, — считает А. Дмитриев. — <...> После декрета СНК о преподавании общественных наук в вузах (4 марта 1921 г.) занятия социологией в высшей школе заменяются курсами исторического материализма (в роли учебника выступает установочная книга Н.И. Бухарина “Теория исторического материализма”, 1921)» [4].

циологе». Известно, что Сорокин, ученик М.М. Ковалевского, в то время, когда «вождь мирового пролетариата» скрывался сначала в шалаше у озера Разлив, а потом бежал в Финляндию, работал секретарем А.Ф. Керенского, назначенного премьер-министром [22, с. 19]. Возможно, следствием этого стали неудачи в институционализации социологии сразу после революции. Сорокин начал работать (вместе с К.М. Тахтарёвым и Н.А. Гредескулом) в учрежденном в конце 1918 г. Социобиблиологическом институте, но в 1921 г. после того, как его не удалось преобразовать в Социологический институт, он был закрыт. В начале 1921 г. Сорокин возглавил первую в России кафедру социологии на общеобразовательном факультете II Петроградского государственного университета (бывший Психоневрологический институт), но в конце 1922 г. подвергся преследованиям и был вынужден покинуть страну.

В статье «О значении воинствующего материализма» (опубликованной в третьем, мартовском, номере журнала «Под знаменем марксизма» за 1922 г.) Ленин раскритиковал «обширные, якобы “социологические” исследования» «О влиянии войны» «некоего г. П.А. Сорокина», опубликованные в первом номере журнала «Экономист» за 1922 г. «Ученая статья, — писал Ленин, — пестрит учеными ссылками на “социологические” труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей» [13, с. 11]. Особенно его возмутил тот факт, что Сорокин назвал 92,2 развода на 10 000 браков в Петрограде «цифрой фантастической» в негативном смысле (то есть что их слишком много). Ленин, ухватившись за неудачную реплику Сорокина, продемонстрировал всю глубину логики марксистского классового подхода и принципа партийности в своей трактовке: оказывается, журнал «Экономист» на самом деле — «орган современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.», издающее его «Русское техническое общество» — это общество «крепостников, реакционеров, дипломированных лакеев поповщины» [13, с. 11], а журналу «Под знаменем марксизма» «придется вести войну и против подобных “образованных” крепостников». «Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, — добивал Ленин оплошавшего “социолога”, — хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста» [13, с. 12]. Вскоре, в этом же 1922 г., журнал «Экономист» был закрыт, а П. Сорокин выдворен из страны.

После работы «Что такое “друзья народа”...» Ленин не пользовался термином «социология» в положительном (не саркастическом) смысле и с тех пор вообще не интересовался социологией. Почему? На наш взгляд, причина незамысловата: для «вождя» с ней было все ясно.

Контекстуальный анализ употребления им термина «социология» и производных от него в этой работе показывает: Ленин, критикуя «субъективный метод в социологии», видя в теоретиках народничества «социологов-метафизиков» (Н.К. Михайловский: «Социология должна начать с некоторой утопии»), изначально воспринимал термин «социология» не просто как *опошленный* буржуазией, но вообще как чужеродный, чуждый марксизму — как такой, который *мог возникнуть только в мелкобуржуазной среде* у носителей «мещанско-социалистических идеалов» [14, с. 119, 127]¹¹. По мнению Ленина, он ориентировал на поиск пустых абстракций (таких, например, как «общество» вообще), которые затем можно было наполнять высокопарными сентенциями о «роли личности в истории», о «нравственности» и прочим «сентиментально-мещанским вздором».

Не стоит переоценивать тот факт, что в ряде мест Ленин использует термин «социология» в позитивном смысле — например, когда сравнивает вклады в науку К. Маркса и Ч. Дарвина, а потом пишет, что К. Маркс «...впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [14, с. 124–125]. На наш взгляд, молодой Ленин всего лишь показал умение обыгрывать идейного противника на его же поле.

«“Социология” трактовалась Лениным в 1894 г. несколько наивно... — считает Г.С. Батыгин. — <...> Ленин, вероятно, чувствовал ненадежность “социологии”, ее скрытую внепартийность и “буржуазный объективизм” и избегал этого слова. Если у него и сохранились какие-либо иллюзии насчет “научности”, то они окончательно рассеялись в 1908 г., когда авторитетный теоретик марксизма А.А. Богданов дал социологическое объяснение материалистическим “вещам в себе” и предложил “эмпириомонистическую” версию марксистской науки, впоследствии развитую им в “тектологию” — всеобщую организационную науку» [1, с. 27] (курсив наш. — А.М.). Об отношении зрелого Ленина к социологии можно судить по его критике взглядов Н.И. Бухарина, который в начале 1920-х гг. выдвинул социологическую интерпретацию марксистской теории. Ленин ее жестко раскритиковал. В плане рассматриваемой нами темы особый интерес представляют ленинские маргиналии на книге Бухарина «Экономика переходного периода» [15].

¹¹ Ленин по поводу обращения к Н.К. Михайловскому «наш известный социолог» саркастически заметил, что это «звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с г. В.В. у либеральных представителей нашего “культурного общества”» [14, с. 141–142] («В.В.» — это В.В. Воронцов. — А.М.). Мог ли после этого Ленин называть себя «социологом», заниматься «социологией» или хотя бы содействовать развитию «социологии»? Для нас это чисто риторические вопросы.

«Написанные в мае 1920 г. эти заметки оставались известными лишь узкому кругу лиц в Социалистической академии до сталинской победы над Бухариным в 1929 г., — пишет Батыгин. — Они имеют принципиальное значение для понимания воззрений “позднего” Ленина на “социологию” и, кроме того, проясняют теоретические и политические мотивы попыток заклеить слово “социология” как “опошленное буржуазными учеными”. Ленин испытывал откровенную неприязнь ко всей богдановской “тарабарщине”. Книгу Богданова он прочитал в начале мая, а через недели три ему в руки попала бухаринская работа, где он без труда распознал влияние “организационно-социологических” идей. Какова же была реакция Ленина на слова “социологический”, “социология” и т. п., которыми была наполнена бухаринская работа? Эти слова подчеркивались и комментировались типичными ленинскими маргиналиями: “уф”, “ха-ха”, “эклетицизм”, “караул” и т. п. В одном месте имеется развернутое суждение, не оставляющее сомнений об отношении Ленина к обсуждаемому здесь термину: “Вот это хорошо, что ‘социолог’ Бухарин, наконец (на 84-й странице), поставил в иронические кавычки слово ‘социолог’! Bravo!”. Впоследствии этот материал использовался, чтобы противопоставить ленинскую “партийность” и бухаринскую “социологию” (и вообще, “научность”). <...> Бухарин не учел критику Ленина и предпринял новую попытку разработать “социологию марксизма” в книге “Теория исторического материализма”. <...> Разгром бухаринской “ереси” стал поводом для активной борьбы против “абстрактного социологизма” и “механицизма” на протяжении 30-х гг.» [1, с. 29].

Взгляд Н.И. Кареева на отношение Ленина к социологии не противоречит нашей точке зрения, высказанной выше. «Социология экономического материализма не выделялась им [Лениным. — А.М.], как особая доктрина, из общего комплекса. “Если, — писал Ленин в своей статье о Марксе в ‘Энциклопедическом словаре’ Граната (т. 28), — материализм вообще объясняет сознание из бытия, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия”, то есть для него социология вытекала из философии, экономизм первой — из материализма второй. Исходя из такого взгляда, Ленин отвергал иную социологию. <...> Отсюда происходил и его глубокий индифферентизм ко всем немарксистским направлениям современной социологии. <...> Вот этими своими интегрализмом и ортодоксализмом он и оказал наибольшее влияние на дальнейшее социологическое мышление», — дипломатично констатирует Кареев [9, с. 129] (курсив наш. — А.М.). Можно ли считать такое влияние плодотворным для социологии? Едва ли.

Вместе с тем в 1920-е гг. образованные люди, в том числе большевики, охотно пользовались термином «социология» из-за его интуитивной понятности и очевидной научности. За пятьдесят лет он получил хождение в качестве самостоятельного, оторвавшись от пуговины «позитивной философии». Многие, пользовавшиеся им

в 1920-е гг. в России, могли даже не знать, кто такой Огюст Конт и чем он славен. Зато постепенно, прежде всего под влиянием Бухарина, «социология» начала все больше и больше отождествляться в сознании мыслящих большевиков и их интеллектуальных сторонников с материалистическим учением К. Маркса и Ф. Энгельса об обществе и истории. Эту тенденцию выразил, в частности, Е.А. Энгель в своей книге «Очерки материалистической социологии» (1923), где, по выражению Н.И. Кареева, он «ставит знак равенства между понятиями марксизма и материалистической социологией» [9, с. 128].

Идентификация социологии через философию — а «исторический материализм» есть не что иное, как самая настоящая философия истории и социальная философия — во многом *предопределила дальнейшую сложную судьбу отечественной социологии*. Но и не менее сложная судьба отечественной философии неотделима от социологии, поскольку в первое послереволюционное десятилетие предпринимались энергичные попытки отождествить с социологией материалистическую философию истории и общества. Таким встречным взаимным отождествлениям отчасти способствовала описанная выше интеллектуальная мода на переходящий в атеизм секуляризм и на философский нигилизм, которая в конце XIX и начале XX в. в форме «базаровского» образа мыслей и жизни распространилась уже во всех слоях российского общества, не затронув разве лишь крестьянство. Отношение большевиков к религии было бескомпромиссно негативным: как сказал К. Маркс в «К критике гегелевской философии права», «религия есть опиум народа». А зачем народу опиум при коммунизме? О том, как В.И. Ленин и его последователи относились к религии и «поповщине», сегодня можно судить по десяткам тысяч российских новомучеников и еще большому числу разрушенных за годы советской власти церквей.

Отношение же к философии было далеко не столь однозначным, но в пользу ее «базаровского» отрицания «работали» сам принцип материализма, выдвинутый в «Немецкой идеологии» К. Марксом и Ф. Энгельсом, их трактовка «идеологии» — неотъемлемой частью которой являлась философия — и наконец, опубликованная в 1988 г. в газете «Die neue Zeit» статья Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Нам не философия нужна, писал Энгельс, но положительная наука, а материалистическое понимание истории наносит ей смертельный удар, подобно тому как диалектическое понимание природы упраздняет натурфилософию [17, с. 316]. Этого взгляда придерживался и основатель большевизма как политически-идеологического течения. Хотя отношение Ленина к философии было благожелательнее, чем к социологии (видимо, сказалось прочтение «Науки логики» Гегеля), все-таки он, будучи революционером-прагматиком, дистанцировался от нее как от особого автономного направления человеческого познания. По нашему мнению, взгляды Ленина были близки к позиции отрицания философии как продукта

досужих умствований выразителей интересов эксплуататорских классов, то есть он фактически склонялся к философскому нигилизму.

Ментальному радикализму большевиков содействовали Февральская и Октябрьская революции, Первая мировая, Гражданская и советско-польская войны. Как известно, во время войн и революций люди ожесточаются, человеческая жизнь и ее индивидуально-личностные проявления обесцениваются. Ожесточение тех лет сейчас трудно представить, но оно формировало мироощущение людей и «дух времени». К созданию системы науки, образования и культуры нового общества большевики приступали, когда страна была глубоко потрясена в своих основаниях: рушились старые порядки, привычные нормы жизни... Как справедливо отмечает Л.А. Каган, сравнивая нашу ситуацию с Великой французской революцией, «еще более трудным было положение философов в условиях Советской революции. Поскольку она выростала из мировой войны, большую роль в ней играл человек с ружьем и, соответственно, милитарные формы мысли и действия (от военно-революционных комитетов и трибуналов до трудовых армий и военно-коммунистического менталитета в целом)» [8].

К этому важнейшему фактору реальной истории, который историки идей иногда элиминируют, надо прибавить еще один, не менее значимый, хотя в такой же степени «реальный», в какой и «идеальный», — в высшей степени заразительное влияние с 1917 г. до середины 1920-х гг. личностей двух главных большевистских «вождей»: Л.Д. Троцкого и особенно В.И. Ленина. Влияние первого со второй половины 1920-х гг. замалчивалось, второго — напротив, акцентировалось. Причем воздействие на массы харизматического личностного образца «Ленин» всегда рассматривалось в СССР как фактор однозначно положительный, причем не только в социально-этическом, но даже в моральном смысле (В.В. Маяковский: «Я себя под Лениным чищу»). Но разве нет объективных исторических оснований, чтобы оценивать его иначе? На наш взгляд, есть. И эти основания не менее весомы, чем те, которые позволяют кому-то видеть в Сталине *только* «закомплексованного», «мнительного», «мстительного» злодея, как будто «гений и злодейство — две вещи несовместные» не только в поэтическом идеально-нормативном смысле, но и в реальной действительности.

На самом деле они очень даже «совместны». «Ленин — гениальный высокоморальный человек, пламенный революционер и талантливый государственный деятель», с одной стороны, и «недалекий, но хитрый и подлый, властолюбивый и циничный партаппаратчик Сталин, создавший на крови сотен тысяч сограждан культ своей личности», с другой стороны, — это *поддельная* картина советской истории, проданная Н.С. Хрущевым XX съезду КПСС. Она в чем-то похожа на оригинальную, но таковой не является, ибо ценностные акценты не совпадают в ней с реальным соотношением вещей. В подлинной истории Ленин был не меньшим, если не большим «злодеем», чем Сталин, поскольку был первым, «вождем № 1», — и оба они были талантливыми, по-своему

гениальными людьми, личностями исторического масштаба. Будучи убежденными марксистами, они просто не могли не исповедовать *макиавеллистский аморализм в реальной властной политике*. В достижении партийно- и государственно-политических целей они никогда не учитывали такой «сентиментально-мещанский вздор», как «голос совести», «соображения нравственности» и т. п., не считались с человеческими жертвами. Именно поэтому (хотя, разумеется, *не только* поэтому) оба добились великих побед и свершений в реальной истории.

В.М. Чернов¹² был политическим и идейным оппонентом Ленина, что позволяло ему противостоять обаянию его личности, оценивать ее объективнее, чем сторонникам «вождя». На наш взгляд, никто лучше него не сформулировал сущность ленинского стиля, в котором выразился сам дух большевизма.

«Защитник пролетариата должен отбросить всякую щепетильность в отношении врагов, — писал Чернов. — Обманывать врага сознательно, клеветать на него, очернять его имя — все это Ленин рассматривал как нормальные вещи. Он провозглашал их с жестокой циничностью. Совесть Ленина заключалась в том, что он ставил себя вне рамок человеческой совести по отношению к своим врагам. Таким образом, отказываясь от всяких принципов честности, он оставался честным по отношению к самому себе. Будучи марксистом, он верил в “классовую борьбу”. По его мнению, гражданская война является неизбежной кульминацией классовой борьбы. Можно даже сказать, что для него классовая борьба являлась лишь зародышем гражданской войны. Разногласия в партии, серьезные или пустяковые, он всегда пытался объяснить как эхо классовых антагонизмов. Он стремился избавляться от нежелательных элементов, изгоняя их из партии, и, делая это, он “честно” прибегал к самым низким средствам. В конце концов разве не является разнородная партия недопустимым конгломератом антагонистических классовых элементов? А с антагонистическими классовыми элементами следует обращаться по принципу “на войне как на войне”. <...> Чисто пассивная оппозиция его партии в критический момент являлась для него достаточным основанием для того, чтобы расстрелять сотни людей без тени колебаний. И при всем этом он любил, искренне веселясь, играть с детьми, собаками, котятками. Говорят, каков стиль, таков и человек» [26].

Способ ведения Лениным письменной полемики — жесткий, резкий, грубый, часто глумливо-издевательский, унижающий личное достоинство оппонента — был заточен в политической борьбе и бесконечных внутрипартийных расправах. В своей главной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) Ленин отстаивал «*принцип партийности*». Согласно этому принципу, философия и наука как части надстройки (идеологии), которая определяется

¹² Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — политический деятель, один из основателей и теоретик партии эсеров, идеолог и публицист; был председателем Всероссийского учредительного собрания. — *Прим. ред.*

классовыми интересами, сами не могут не быть классовыми, партийными. Следовательно, за абстрактными понятиями и умозрительными конструкциями *на самом деле* всегда должен скрываться классовый интерес и его выразитель — классовый враг, которого надлежало изобличить. Ленин это и сделал. При том, что его критика взглядов Э. Маха, Р. Авенариуса, А.А. Богданова и др. была отчасти оправдана объективно, сам ее стиль трудно назвать иначе как разоблачительно-погромным. М. Горький в письмах к Н.Б. Малиновскому и А.А. Богданову в мае 1909 г. возмущался «нахальством» Ленина, «хулиганским тоном» его книги и писал, что «с тоской бросил ее к чорту» [27, с. 147].

В упомянутой статье «О значении воинствующего материализма» Ленин, по сути, прямо санкционировал преследования и репрессии против инакомыслящих. Похвалив напутственное письмо Л.Д. Троцкого редакции журнала «Под знаменем марксизма» [24], он поставил задачу «неуклонного разоблачения и преследования всех современных “дипломированных лакеев поповщины”, все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами» [13, с. 6] (курсив наш. — А.М.). Ленин показал, как следует применять марксистский «принцип партийности» в оценке продуктов научной и культурной деятельности.

С точки зрения социологии знания «заслуга» Ленина состояла в том, что он перенес дух большевизма с его нетерпимостью к инакомыслию из политической сферы в интеллектуальную, вузовско-академическую. Тем самым в последней начали действовать чуждые ей закономерности властно-политической сферы со *специфическим для нее способом структурирования социальности по принципу «друг — враг», «свой — чужой»* (выявленные и сформулированные К. Шмиттом). Будучи харизматическим лидером, Ленин психологически «заразил» своим примером мыслящих и пишущих большевиков, марксистов в среде профессорско-преподавательского состава, сторонников революции среди творческой интеллигенции, деятелей культуры и др. Члены партии и многие беспартийные равнялись на «вождя мирового пролетариата», преклонялись перед его железной волей, ясным умом и целеустремленностью. Он был для них непререкаемым образцом, *primus inter pares*¹³. Вождю подражали: его образ мыслей становился образом мыслей миллионов, его стиль полемики приобретал статус нормативного. Малограмотные народные массы *боготворили* его, о нем складывали легенды. Возник мифологизированный культ личности Ленина. Обсуждать его в советское время было неполиткорректно, в отличие от культа личности Сталина, хотя последний сложился в отраженном свете первого.

Описывая философский нигилизм начала 1920-х гг., Л.А. Каган отмечает тот факт, что особенно ярко он вспыхнул после высылки Лениным в 1922 г. старорежимных мыслителей, образ которых ассоциировался

¹³ *Primus inter pares* (лат.) — первый среди равных.

у многих с представлением о философии как таковой, и что их осуждение воспринималось как приговор философии вообще. «Воинствующая анти-философия, — пишет Каган, — имела разные истоки и мотивы — от анархически-оппозиционных и догматически-упрощенческих, вульгарно-материалистических до сциентистски-позитивистских» [8]. В связи с этим он упоминает анархистов А.А. Бороваго и братьев Гординых (авторов книги «Социология и социотехника». М., 1918), бывшего эсера Э. Енчмена (утверждавшего, что познание — физиологическая реакция человеческого организма), большевика С.К. Минина, профессора И.А. Боричевского, партийных функционеров-идеологов Е.А. Преображенского (в начале 1920-х гг. заведующий агитпропотделом ЦК), ректора Коммунистического университета им. Свердлова М.Н. Лядова, Б. Таля и цитирует слова Луначарского: «Мы все чаще слышим в последнее время, что философия отмерла, что пролетариат заменит ее чем-то другим». «То же отмечал А.Я. Троицкий: "...кругом на всякие лады — от визгливого дисканта до солидного баса раздается: большевик, бойся философии!"» [8].

На наш взгляд, упрощения марксизма, его вульгарно-материалистические трактовки при всех предметных нюансах и различиях в субъективной мотивации в конечном счете «работали» в пользу сциентистской (позитивистской) парадигмы. Наиболее ясное и четкое выражение все эти тенденции нашли в статьях большевика-фронтовика С.К. Минина в рубрике «Трибуна» журнала «Под знаменем марксизма». Согласно Минину, «философия — это полувера, полужнание, полуоткровение, полунаука. Вернее, философия больше вера, чем знание, она ближе к религии, чем к науке. <...> Философия — это духовный оттиск буржуазии, квинтэссенция ее классового "духа"» [18, с. 123]. «Оборудуя и достраивая наш научный корабль, позаботимся в первую очередь с капитанского мостика вслед за религией без остатка вышвырнуть за борт и философию» [18, с. 127]. «Нельзя толковать о какой-то научной, революционной, коммунистической и т. д. философии, ибо такой философии нет и быть не может, как не может быть коммунистической, научной и т. д. религии». Философия как специфически буржуазное воззрение на природу, общество и познание враждебна пролетариату и коммунизму, уверял Минин. «Нужна наука, только наука, просто наука» [19, с. 185, 195].

Впрочем, такой сциентизм позитивистского толка встречал критический отпор у многих «красных профессоров» от философии и философски грамотных большевиков. В конце концов философию, которую в марксизме воплощал диалектический материализм, в кругу философов в обиду не дали. Все-таки она удовлетворяла жажду знаний в тех вопросах, на которые наука не могла дать желаемых ответов (например, о месте человека в мироздании, о способах его познания, о смысле жизни и смерти и т. п.), учила мыслить, просвещала сознание, расширяла кругозор. Однако позитивизм «базаровского» типа бытовал в 1920-е гг. в форме *истматовского редуционизма*. Значение общеполитической части марксистской философии, диалектического

материализма, недооценивалось либо вообще элиминировалось — значение же исторического материализма нарочито преувеличивалось, либо «истмат» как «марксистская социология», то есть как *наука об обществе и его истории*, объявлялся главным завоеванием марксизма и его единственно жизнеспособной частью.

Как справедливо отмечает Л.А. Каган, многие сторонники идей К. Маркса и Ф. Энгельса считали материалистическое понимание истории их главным философским достижением. Работы ведущих зарубежных идеологов социал-демократии, констатирующие этот факт, получили распространение в России как раз в начале 1920-х гг., к примеру: Меринг Фр. Об историческом материализме. М., 1919; Гортер Г.Г. Исторический материализм. М., 1919; Лабриола А. Исторический материализм. Пг., 1922; Каутский К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск, 1923. «Тот же перенос центра тяжести с философии на социально-историческую (истматовскую) проблематику отличает работы советских теоретиков рассматриваемого периода Н. Бухарина, Б. Горева, И. Разумовского, А. Тюменева и др.¹⁴, — пишет Каган. — Дело, разумеется, не в повышенном интересе к истмату... а в его расширительной интерпретации как синонима мировоззрения вообще, в методологическом перекосе, в недооценке философской специфики, оттеснении ее на задний план; философия фигурировала тут в виде краткого введения к истмату или приложения к нему» [8].

«Еще Меринг полагал, что весь жизненный труд Маркса и Энгельса зиждется исключительно на историческом материализме, — продолжает Каган. — Э. Бернштейн видел в истмате чисто историческую теорию; диалектику он называл гегелевской ловушкой. Е. Преображенский писал, что истмат является единым и единственным методом марксизма. Согласно И. Скворцову-Степанову, в марксистском мировоззрении есть лишь два компонента: естественно-научное (механическое в его представлении) понимание природы и материалистическое понимание истории; но “не существует области какого-то философствования” вне конкретных наук; философия сводится к наиболее общим выводам науки. Толкование истмата как “позитивной” эмпирической теории, настаивание на его “афилософичности” означало фактически уход от философии, попытку подменить ее упрощенно понимаемой социологией. Автор задававшей в то время тон “Теории исторического материализма” Бухарин открыто и даже демонстративно именовал свою книгу учебником марксистской социологии; общепhilosophической проблематике тут отводилась лишь одна из глав» [8].

Эта установка сказывалась и в преподавании. Каган приводит в качестве примера тезисы нескольких выступлений при обсуждении

---

¹⁴ В неопубликованной при жизни книге «Основы русской социологии» в главе «Марксистская социология» Н.И. Кареев приводит длинный список работ по историческому материализму этих и других авторов с характерным для того времени смещением приоритетов [9, с. 116–117].

учебной программы философии в Коммунистическом университете им. Свердлова: «против увлечения философской стороной», «...за крен в социологическую сторону» (30 мая 1923 г.); «совершенно исключить философскую часть программы», «начинать курс с социологической части», «всей программе придать практический уклон» (22 сентября 1923 г.). В результате программа была разделена на три части: социология, марксизм на практике, диалектика. Свой анализ философского дискурса тех лет Каган резюмирует выводом: «...оптимального соотношения общемировоззренческого и социально-исторического компонентов марксистской философии так и не удалось достичь...» [8].

Следует констатировать, что незавидную судьбу социологии в купе с философией в послереволюционной России определил целый комплекс взаимосвязанных факторов — идеальных, реальных, личностных, — соответственно, особенности российских культурно-исторических традиций, войны и революции, а также харизматическая личность лидера большевиков В.И. Ленина и его отношение к социологии и философии. Социология как таковая не возбранялась, но постепенно стала допускаться только в форме «марксистской социологии». Поскольку последнюю начали все больше отождествлять с «историческим материализмом», а его, в свою очередь, — с «марксистской социологией», постольку социология, независимая от учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, к началу 1930-х гг. в СССР перестала существовать.

Причины той ситуации обоюдно-ущербного сковывания, в которой оказались социология и философия в Советской России, не в том, что социологии не удалось *полностью* отделиться от религии и философии, чтобы стать *чисто* научной дисциплиной, — это предположение основывается на вере в сциентистский утопический проект О. Конта, который был и остается иллюзией, несбыточной технократической мечтой Нового времени. Причины заключались, во-первых, в том, что социология в СССР была втиснута в русло *одной-единственной* философской доктрины, пусть и богатой в идейном отношении. Во-вторых, в том, что социология и философия оказались в зоне притяжения самой мощной *квазирелигиозной гуманистической идеологии* Запада второй половины XIX и XX в., от которой в равной мере и пострадали. В отличие от всех предшествующих и современных ей идеологий, марксистская идеология не только имела системную форму и то, что мы назвали бы сегодня полидисциплинарной укорененностью в разнородных видах знания («три источника и три составные части марксизма»), но и претендовала на статус *подлинно научной теории по образу естествознания*.

Согласно *логике естественно-научного познания* предполагалось, что истина одна, и если К. Маркс и Ф. Энгельс открыли ее, то, следовательно, марксизм — *единственно верная (истинная)* социально-историческая теория. В публичной сфере циркуляции идейных доктрин исключительность учения К. Маркса и Ф. Энгельса в его *большевистской (ленинской)* трактовке подразумевала форсированную идеологическую зачистку; все другие теории, предшествующие ей и со-

временные, объявлялись *ложными*. Это означало: их надо было рассматривать либо как *ошибочные* вследствие добросовестного заблуждения в силу субъективных или объективных причин, либо как *подрывные*, то есть нарочито превратные, специально измышленные как орудие идеологического противодействия марксизму и Советской России, поскольку научный коммунизм стал ее государственной идеологией.

(Окончание статьи — в следующем номере.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции. Глава I / Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 23–44.
2. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск: БГУ, 1929. — 472 с.
3. Гусев С.И. Теория пролетариата: (Научный социализм). Пг.: Петрогр. сов. раб. и красноармейск. деп., 1919. — 31 с.
4. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛО. 2007. № 6. С. 10–38 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.04.2020. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/akademicheskij-marksizm-1920-1930-h-godov-zapadnyj-kontekst-i-sovetskie-obstoyatelstva.html>
5. Зборовский Г.Е. Эмпирическая социология: Учебник для вузов / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. Сургут – Екатеринбург: РИО СурГПУ, 2016. — 313 с.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Часть 2. Л.: ЭГО, 1991. — 280 с.
7. Измозик В.С. Политический контроль в Советской России, 1918–1928 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32–41.
8. Каган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112–140.
9. Кареев Н.И. Марксистская социология // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 113–162.
10. Кареев Н.И. Основы русской социологии. Введение. Перед возникновением социологии в России // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 122–129.
11. Кассирер Э. Введение и постановка проблемы // Философия символических форм. Т. 1. Язык / Пер. с нем. Н.А. Малинкина. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 272 с.
12. Клёцин А.А. Социология семьи // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 415–435.
13. Ленин В. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5–12.
14. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Выпуск I // Сочинения. 4-е изд. Т. 1. 1893–1894. М.: Госполитиздат, 1953. С. 113–186.
15. Ленинский сборник. Вып. XI М.–Л.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б), 1929 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.04.2020. URL: <https://leninism.su/works/115-conspect/4337-leninskij-sbornik-xi.html?start=5>

16. *Лилиенфельд-Тоаль П.Ф.* Мысли о социальной науке будущего. Человеческое общество как реальный организм. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 408 с.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1961. — 828 с.
18. *Минин С.К.* Философию за борт // Под знаменем марксизма. 1922. № 5–6. С. 122–127.
19. *Минин С.К.* Коммунизм и философия // Под знаменем марксизма. 1922. № 11–12. С. 84–199.
20. *Писарев Д.И.* Исторические идеи Огюста Конта // Исторические эскизы. Избранные статьи / Д.И. Писарев; Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.И. Володина; Журнал «Вопросы философии» и др. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 340–504.
21. *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма (1908) // Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. Т. XVIII. От утопии к науке. М.—Л.: Госиздат, 1928. С. 182–252.
22. *Сапов В.В.* Питирим Сорокин и В.И. Ленин // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 10–33.
23. *Сафаров Г.И.* О научных основах коммунизма. Петербург: Госиздат, 1921. — 125 с.
24. *Троцкий Л.Д.* Внимание к теории // Под знаменем марксизма. 1922. № 1–2. С. 5–7.
25. *Укие С.А.* Женщины — корыстные убийцы (социологические характеристики) // Проблемы преступности. Вып. 1. М.—Л.: Госиздат, 1926. С. 150–172.
26. *Чернов В.* Ленин глазами соперника [электронный ресурс]. Дата обращения 05.04.2020. URL: <http://tov.lenin.ru/titan/about/chernov.htm>
27. *Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. — 665 с.
28. *Hecker J.F.* Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York, 1915. — 309 p. DOI: 10.7312/heck92698

Дата поступления: 09.01.2020.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. No. 3. P. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399

A.N. MALINKIN

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

SOCIOLOGY AND PHILOSOPHY: INSEPARABLE AND NON-MERGED.
THE BIRTH OF MARXIST SOCIOLOGY FROM THE SPIRIT OF BOLSHEVISM.
PART 1

Abstract. This article discusses the problem of the relationship between sociology and philosophy in 1920's Soviet Russia, the result of which was the birth of “Marxist sociology”

and its approval in the 1930's. In the first part of the article, the problem becomes more acute in the question of whether there was any sociology in the USSR during those years. It is argued that the answer to it cannot be unconditional and unequivocal, because much depends on what was considered to be “sociology” at the time. In this regard, the thesis about the existence of “empirical sociology” in the 1920's is questioned. The article briefly highlights the original meaning of the concept of “sociology”, the history of its existence in the Russian Empire. It analyzes how the trends of “philosophical nihilism” in the early years of Soviet government were reflected in its interpretation. The task is set not only to describe the historically and socio-culturally conditioned changes in the meaning of the term “sociology” in the 1920's, but also to determine the factors that influenced them from the perspective of sociology of knowledge. In this regard, the key yet negative role of Vladimir Lenin in the history of domestic social thought is considered.

Keywords: sociology; philosophy; positivism; Marxism; philosophical nihilism; historical materialism; secularism; the spirit of Bolshevism; ideology.

For citation: Malinkin A.N. Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-Merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 1. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399

REFERENCES

1. Batygin G.S. Continuity of the Russian Sociological Tradition. Chapter I. *Sotsiologiya v Rossii*. [Sociology in Russia]. Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN publ., 1998. P. 23–44. (In Russ.)
2. Vol'fson S.Ya. *Sotsiologiya braka i sem'i*. [Sociology of Marriage and Family]. Minsk: BGU publ., 1929. 472 p. (In Russ.)
3. Gusev S.I. *Teoriya proletariata: (Nauchnyi sotsializm)*. [Theory of the Proletariat: (Scientific Socialism)]. Petrograd: Petrogradskii sovet rabochikh i krasnoarmeiskikh deputatov publ., 1919. 31 p. (In Russ.)
4. Dmitriev A. “Academic Marxism” of the 1920–1930s: Western Context and Soviet Circumstances. *NLO*. 2007. No. 6. P. 10–38. Accessed 06.04.2020. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/akademicheskij-marksizm-1920-1930-h-godov-zapadnyj-kontekst-i-sovetskie-obstoyatelstva.html> (In Russ.)
5. Zborovskii G.E., Shuklina E.A. *Empiricheskaya sotsiologiya: Uchebnik dlya vuzov*. [Empirical Sociology. Textbook for High Schools.] Curgut – Ekaterinburg: RIO SurGPU publ., 2016. 313 p. (In Russ.)
6. Zen'kovskii V.V. *Istoriya russkoi filosofii*. [History of Russian Philosophy.] Vol. 1. Ch. 2. Leningrad: EGO publ., 1991. 280 p. (In Russ.)
7. Izmozik B.C. Political Control in Soviet Russia, 1918–1928. *Voprosy istorii*. 1997. No. 7. P. 32–41. (In Russ.)
8. Kagan L.A. On the Approaches to Soviet Philosophy (the First “Sverdlovtsy”, “Social Academics”, “Ikapists”. *Voprosy filosofii*. 2002. No. 5. P. 112–140. (In Russ.)
9. Kareev N.I. Marxist Sociology. *Mir Rossii*. 1992. Vol. 1. No. 1. P. 113–162. (In Russ.)
10. Kareev N.I. Fundamentals of Russian Sociology. Introduction. Before the Emergence of Sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995. No. 8. P. 122–129. (In Russ.)
11. Cassirer E. Introduction and Problem Statement. Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language. [Russ. ed.: *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow – St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2015. 272 p.]

12. Kletsin A.A. Sociology of the Family. *Sotsiologiya v Rossii*. [Sociology in Russia.] Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN publ., 1998. P. 415–435. (In Russ.)
13. Lenin V. On the Importance of Militant Materialism. *Pod znamenem marksizma*. 1922. No. 3. P. 5–12. (In Russ.)
14. Lenin V.I. What are the “Friends of the People” and how do they Fight Against the Social Democrats? *Sochineniya*. [Collected Works.] 4th ed. Iss. 1. 1893–1894. Moscow: Gospolitizdat publ., 1953. P. 113–186. (In Russ.)
15. *Leninskii sbornik*. [Lenin’s Miscellany]. Iss. XI. Moscow – Leningrad: Institut Lenina pri TsK VKP (b) publ., 1929. Accessed 25.04.2020. URL: <https://leninism.su/works/115-conspect/4337-leninskij-sbornik-xi.html?start=5> (In Russ.)
16. Lilienfel’d-Toal’ P.F. *Mysli o sotsial’noi nauke budushchego. Chelovecheskoe obshchestvo kak real’nyi organizm*. [Thoughts on the Social Science of the Future. Human Society as a Real Organism]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyi dom “Librokom” publ., 2012. 408 p. (In Russ.)
17. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. [Collected Works.] Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury publ., 1961. 828 p. (In Russ.)
18. Minin S.K. Philosophy Overboard! *Pod znamenem marksizma*. 1922. No. 5–6. P. 122–127. (In Russ.)
19. Minin S.K. Communism and Philosophy. *Pod znamenem marksizma*. 1922. No. 11–12. P. 84–199. (In Russ.)
20. Pisarev D.I. Auguste Comte Historical Ideas. *Istoricheskie eskizy. Izbrannye stat’i*. [Historical Sketches. Featured Articles.] Select., pref., comment. and ed. by A.I. Volodin. Moscow: Izd-vo “Pravda” publ., 1989. P. 340–504. (In Russ.)
21. Plekhanov G.V. The Main Issues of Marxism (1908). *Sochineniya. Tom XVIII. Ot utopii k nauke*. [Collected Works. Vol. XVIII. From Utopia to Science] Ed. by D. Ryazanov. 2nd ed. Moscow – Leningrad: Gosizdat publ., 1928. P. 182–252. (In Russ.)
22. Sapov V.V. Pitirim Sorokin and V.I. Lenin. *Vestnik Syktyvkar’skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*. 2017. Iss. 6. P. 10–33. (In Russ.)
23. Safarov G.I. *O nauchnykh osnovakh kommunizma*. [On the Scientific Foundations of Communism]. St Petersburg: Gosizdat publ., 1921. 125 p. (In Russ.)
24. Trotskii L.D. Attention to a Theory. *Pod znamenem marksizma*. 1922. № 1–2. P. 5–7. (In Russ.)
25. Ukshe S.A. Women — Mercenary Killers (Sociological Characteristics). *Problemy prestupnosti*. [Problems of Crime.] Iss. 1. Moscow – Leningrad: Gosizdat publ., 1926. P. 150–172. (In Russ.)
26. Chernov V. *Lenin glazami sopernika*. [Lenin Through the Eyes of an Opponent.] Accessed 05.04.2020. URL: <http://tov.lenin.ru/titan/about/chernov.htm> (In Russ.)
27. Chernyavskii G.I. *Lev Trotskii*. [Leon Trotsky]. Moscow: Molodaya gvardiya publ., 2010. 665 p. (In Russ.)
28. Necker J.F. *Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory*. N.Y., 1915. 309 p. DOI: 10.7312/heck92698